

20 декабря 30 лет назад

20 декабря 1990 года у нас был интересный гость – Алан Гор, будущий вице-президент США. Он был тогда простым сенатором и поэтому без охраны. На новой должности он к нам придти бы не смог, потому что ему была положена такая куча охраны, которая не смогла бы не только разместиться в нашей квартирке, но даже в подъезде. Но не это событие побудило меня написать этот пост. Я попросила гостя отвлечься от салата и важных разговоров, чтобы ... посмотреть телевизор. Там по первой (и главной) программе «показывали» первое в истории интервью для ЦТ с сотрудником КГБ. 20 декабря, кстати, и до сих пор – профессиональный праздник чекистов. Мне не сразу удалось взять это интервью, а очень хотелось. Потому что хотелось разобраться, почему в Советском Союзе так «успешно» внедряются зарубежные «грязные» технологии. Яблоков с возмущением открывал мне все новые и новые факты. Конечно, я не могла не воспользоваться возможностью посмотреть на реакцию о таком «мирном сотрудничестве» известного американского эколога (кстати, будущего Нобелевского лауреата за вклад в экологию), члена, как и Алексей Владимирович, Глобальной межпарламентской организации по экологии. Но реакция меня, советскую гражданку, изумила. Гор со смехом предложил мне свои услуги для продвижения этого и любых других материалов о КГБ на территории США. Уверял, что это будет очень выгодный проект. И, конечно, поинтересовался, как мне удалось взять это интервью в такой закрытой, могучей и страшной организации. На самом деле, это было не просто. Сначала в пресс-центре КГБ мне категорически отказали, пояснив, что вопросами экологии они не занимаются. Затем согласились посмотреть на мои вопросы, если я их пришлю по факсу. Затем долго обсуждали все это с начальством. Затем поставили условие

– съемки только в их здании на Лубянке, кроме меня будет допущен только оператор.

Кроме высокого красивого сотрудника, которому было поручено дать мне интервью, в кабинете присутствовало еще три человека из начальства. Надо ли говорить, что начальство и КГБ и ЦТ внимательно следило за процессом монтажа. Не сразу их все устроило, но в чем-то они пошли нам навстречу и даже решили свою внезапно на них свалившуюся открытость продемонстрировать по ЦТ в свой профессиональный праздник.

Вскоре я узнала о жуткой засекреченной аварии в Свердловске в лаборатории, где создавалось биологическое оружие. И позвонила напрямую, минуя пресс-центр, теперь уже знакомому начальнику. Он меня принял, угощал, как сейчас помню (еще бы не помнить о таком жутком в те времена дефиците) шоколадными конфетами «Мишка на Севере», поил чаем и убеждал, что КГБ там ничего не засекречивало, так как люди погибли, случайно вскрыв захоронение скота, погибшего от Сибирской язвы. Странно, но он сослался на статью (и даже ее показал) Жореса Медведева, известного биолога, к тому времени уже проживающему в Лондоне. И заговорил о Рое Медведеве, который в то время был плодовитым и как бы оппозиционным историком. Я понимала, что меня «разводят», и дерзко «пошутила», что не удивлюсь, если, выйдя из кабинета, столкнусь с Роем в коридоре. Но все же попросила «содействия» в моем журналистском расследовании.

Вскоре мы с оператором Ириной Маликовой беседовали в гостиничном номере Свердловска с высоким красивым офицером КГБ, который рассказывал нам о том, что у него нет и не может быть никаких документов об этой аварии, так как она не имеет никакого отношения к их профессиональной деятельности. Но на территорию военного городка, где по нашим сведениям произошла

утечка штамма Сибирской язвы, нас не пустили. Бедная Иришка, чтобы иметь для передачи хоть какую-нибудь картинку, обошла по периметру весь забор, заглядывая камерой (тогда огромной и тяжелой) в каждую щелку, кружила с ней около проходной, увлекая за собой ассистентов с тяжелой магнитофоном с огромными бобинами с видеопленкой. За ними пристально следили двое в штатском. Затем со всей этой «командой» кружила вокруг керамического завода, куда (опять же по нашим сведениям) через вентиляционную трубу проник смертельный искусственно созданный вирус. Снималось кино. А я безо всякой техники в это время разговаривала с врачами, с выжившими, с родственниками погибших (работников завода). Главная врач местной поликлиники пригласила меня для беседы к себе домой. Она вынула из тумбочки, стоящей у кровати в спальне, папку с историями болезни некоторых из погибших. Подробный анамнез заболеваний и смерти давал однозначную картину – это не «природная» сибирская язва, это – биологическое оружие. Умиряли (в основном) только мужчины и только молодые. Когда врач это поняла, она взяла больничный, а папку спрятала дома «до лучших времен». Это был настоящий подвиг. Доблестные чекисты прозевали. Наша передача была первой публикацией о реальных причинах происшедшего, а Яблокову удалось убедить Ельцина в том, что родственники погибших должны получить компенсацию.

Прошло еще какое-то время. Вдруг мне звонит тот самый начальник из КГБ и очень просит приехать. Он обратился ко мне с просьбой через Яблокова убедить Ельцина в том, что КГБ занимается вопросами экологической безопасности России и что там в его недрах есть сотрудники, из которых можно создать специальное подразделение. На фоне массового сокращения. Яблоков поверил в их искренность, и какое-то время это вновь созданное подразделение

проводило совместные с «зелеными» конференции на тему «Экология и КГБ (или ФСБ)» с участием правозащитников, экологов, юристов, и, конечно, чекистов. Вот только несколько имен: советник президента Алексей Яблоков, оправданный подозреваемый в шпионаже Александр Никитин, известные адвокаты Карина Москаленко и Юрий Шмидт, Лев Фелоров (специалист по химическому оружию)... У меня сохранилась визитка Геннадия Гудкова - тогда уже депутата Госдумы, участника этих «тусовок». В 2002 году наш фильм «Эффект ящерицы» (на тему «Экология и права человека» о преследованиях и заключении под стражу экологических активистов) получил Гран-при на конкурсе «Уполномоченного по правам человека». Эффект ящерицы, как известно, заключается в том, что сколько не отрубай ящерице хвост, он отрастает.

Когда-нибудь я, наконец, разберусь с архивами Алексея Владимировича и возьмусь за свои. И найду присланную кем-то вырезку из американской газеты – полностью опубликованное то самое интервью, о котором говорилось в начале этого текста. Имел ли к этой публикации какое-либо отношение Алан Гор – не знаю. Но часто 20 декабря я вспоминаю о том моем дне рождения, которое с нами отпраздновал Алан Гор.